

Подсекция № 2

И. А. Михалевич (*Гродно, ГрГУ им. Я. Купалы*)

ИНОЯЗЫЧНЫЕ ВКРАПЛЕНИЯ В РОМАНАХ С. И. ВИТКЕВИЧА

В статье проанализированы иноязычные вкрапления в прозе известного польского писателя первой половины XX века С. И. Виткевича. Приводится определение понятия, называются основные причины использования иностранных слов польским автором с учетом их функциональной нагрузки, а также выявляются основные способы введения вкраплений и даются соответствующие примеры.

Ключевые слова: иноязычные вкрапления; иностранное слово; заимствование; польская литература XX века.

This article is devoted to the analysis of foreign language inclusions in the prose of the famous polish writer of the first half of the twentieth century, Stanislaw Ignacy Vitkevich. The paper provides a definition of the concept, names the main reasons for the use of foreign words by the polish author, taking into account their functional load, and also defines the main ways of introducing inclusions and provides relevant examples.

Key words: foreign language inclusions; foreign word; linguistic borrowing; Polish literature of the twentieth century.

Проблема анализа иноязычных заимствований встречается в различных областях науки, не исключением является и литературоведение, где заимствования играют особую роль, поскольку, как и любые другие слова, подчиняются индивидуально-авторским особенностям стиля.

Сам термин *иноязычные вкрапления* был введен в обиход в 1966 году советским лингвистом А. А. Леонтьевым, который впервые дал их классификацию и отнес к числу средств «сосуществования двух текстов» [1, с. 62]. Продолжил исследование данного феномена, а впоследствии значительно расширил значение понятия лингвист Л. П. Крысин, понимавший под термином *иноязычные вкрапления* особые группы слов, применение которых зависит от уровня знания говорящим того либо иного иностранного языка, а также зачастую и от жанровых и стилистических особенностей речи [2, с. 8]. Заслуга Л. П. Крысина заключается также в разделении иностранных слов на две большие группы: интернационализмы (могут быть использованы и поняты в текстах любого языка) и слова, которые не являются интернационализмами [2, с. 15]. Вслед за А. А. Леонтьевым и Л. П. Крысиным вопросом описания и классификации иноязычных вкраплений занимались и другие известные лингвисты и ученые, такие как Ю. Т. Люстрова-Правда («Отбор и употребление иноязычных вкраплений в русской литературной речи XIX века»), Л. В. Чернец («Иноязычная речь в художественном произведении»), С. И. Манина («Прагматические функции иноязычных вкраплений»), А. В. Агеева («Типология иноязычных вкраплений в русских текстах») и многие другие. Такое многообразие работ, посвященных иноязычным вкраплениям, объясняет актуальность данного исследования.

В настоящей статье мы обращаемся к творчеству известного польского писателя, философа и художника XX века Станислава Игнация Виткевича (Виткация) (1885–1939). Одна из знаменитых особенностей его художественного стиля – это обилие в текстах различного рода иноязычных вкраплений. Проанализировав два основных романа польского писателя «*Pożegnanie jesieni*» (1925–1926) ‘Прощание с осенью’ и «*Nienasycenie*» (1930) ‘Ненасытимость’, мы выявили, что у Виткевича встречаются заимствования из шести языков (русского, немецкого, английского, французского, латинского и итальянского). Такое разнообразие в рамках одного произведения литературовед В. В. Мочалова объясняет тем, что для Виткевича-философа, стремящегося постичь тайну «единства в многообразии» отдельных существований, такое многообразие языков в одном тексте служило инструментом отражения этой множественности, так как «картина мира не безразлична к тому языку описания, на котором она воссоздана» [3, с. 117].

Анализируя целый ряд разнообразных заимствований в романах С. И. Виткевича, следует особо отметить причины использования иноязычной речи, а именно их функциональную нагрузку в произведениях. Рассмотрим более подробно каждую из них.

1. Отсутствие семантической параллели в польском языке.

Jakiś nowy zupełnie "katzenjammer" (czyż niema na to polskiego słowa?) – prawie obłąd [4, s. 203]. – 'Какое-то совершенно новое «похмелье» (неужели для этого нет польского эквивалента?) – какое-то наваждение' [5, с. 205].

Na nieprzygotowanego, tonącego w zachwycie Atanazego, zwała się góra niewiarogodnej ohydy i przerażenia – przesadził dawkę i cały "katzenjammer" czy "pochmielje" (dziwne to, że niema na to polskiego słowa), które mogło przyjść nazajutrz powoli, zrealizowało się nagle, w jednej chwili, w najwyższej swej potędze [4, s. 248]. – 'На неподготовленного, тонущего в восторге Атаназия, обрушилась гора невероятной гадости и ужаса – он перебрал дозу, и все «katzenjammer» или «pochmielje» (странно все-таки, что нет польского эквивалента), которое могло прийти еще только завтра, уже сейчас, в данную минуту происходило, причем в самом мощном исполнении' [5, с. 249].

В обоих примерах автор своими комментариями указывает на отсутствие подходящего польского эквивалента для описания данного состояния.

2. Обозначение другой национальной культуры часто сопровождается обилием иноязычной лексики. Так, к примеру, о быте Индии, куда отправились главные герои «Прощания с осенью», свидетельствует английское *"bullock-cartem"* 'волочья упряжка', которая являлась основным средством передвижения в этой стране:

Zostawili automobile i bez służby, puścili się we dwoje tylko, dwukolnym "bullock-cartem" w dwa garbate woły, z jednym woźnicą [4, s. 369]. – 'Оставили автомобили и без слуг отправились вдвоем на «воловью упряжке» – двуколке, запряженной двумя горбатыми буйволами, управляемой одной возницей' [5, с. 371].

3. Знак принадлежности героя к определенной профессии, указание на социальный статус.

Musi na początku być ta podstawa, to co na przykład Husserl, w stosunku do swojej teorii, nazywa „phenomenologische Einstellung” [4, s. 72]. – 'Сначала должна быть такая установка, которую Гуссерль в своей теории называет «феноменологическая точка зрения»' [5, с. 73].

В вышеприведенном примере немецкое *"phenomenologische Einstellung"* 'феноменологическая точка зрения' используется автором с целью указания на род деятельности Гуссерля, который является философом.

Отметим, что чаще всего немецкие заимствования появляются в речи персонажей при дебатах на философскую тематику, при этом автор использует выражения известных философов: Канта, Ницше и других.

4. Отражение личного опыта автора.

Романы С. И. Виткевича пестрят упоминанием о России и русскоязычными заимствованиями, что неслучайно, так как были написаны после опыта службы польского писателя в качестве подпоручика лейб-гвардии Павловского полка на русской земле.

No tak, przecie jako lejtenant służył w “gwardiejskom ekipażu”, nic dziwnego. – przypominal sobie Atanazy [4, s. 160]. – ‘Ну да, ведь в бытность лейтенантом он служил в «гвардейском экипаже», ничего удивительного, – вспомнил Атаназий’ [5, с. 159].

Nic to: przypominal sobie rozkoszne chwile w “lejb-gwardji kawalergardzkom polku” [4, s. 232]. – ‘Ничего подобного: он вспомнил блаженные мгновения в «лейб-гвардейском кавалерийском полку»’ [5, с. 231].

При этом в отличие от заимствований из других языков русскоязычные передаются в основном при помощи транслитерации, что литературовед В. В. Мочалова объясняет стремлением С. И. Виткевича подчеркнуть принципиальную непереводаемость «русского начала», отсутствие аналогов в европейской литературе [3, с. 123].

5. Отражение характеров героев, а также понятий, связанных с эмоциональной сферой.

Так, русская фраза Гели Берц демонстрирует ее вспыльчивую натуру:

Opupieł, czto li? – powtórzyła lagodniej Hela [4, s. 23]. – ‘Opupieł, czto li? – повторила уже ласковой Геля’ [5, с. 22].

В следующем примере при помощи немецкого вкрапления Зося раскрывает истинную натуру главного героя «Прощания с осенью» Атаназия Базакбала:

Moralny Kuba Rozpruwacz – “ein psychischer Lustmörder” [4, s. 184]. – ‘Моральный Джек Потрошитель – «психический убийца на почве сладострастия»’ [5, с. 188].

Необходимо также отметить, что для выражения состояний и свойств характера героев, понятий, связанных с эмоциональной сферой, наиболее часто С. И. Виткевич обращается к русским заимствованиям.

Что касается способов введения иноязычных вкраплений, в «Прощании с осенью» и «Ненасытмости» нами были выделены следующие.

1. Наиболее часто встречаются слова, словосочетания либо даже целые предложения в польской речи персонажа:

Azali nie czeka mnie jeszcze raz to wszystko da kapo – cale umieranie – i to już po raz trzeci? [4, s. 104]. – ‘Ужель меня ждет все то же еще раз с начала – все это умирание – причем уже в третий раз?’ [5, с. 100];

Grał też na fortepianie, ale była to tak zwana “reine Fingermusik”, bez żadnej na razie przyszłości [4, s. 111]. – ‘Играл он и на фортепиано, но это была так называемая «музыка исключительно для пальцев», без какого бы то ни было пока будущего’ [5, с. 107].

Ah – non, pas si bête que ça [6, s. 107]. – ‘Ну нет – нашли дурака!’ [7, с. 102].

2. Иностранная лексика в польской транслитерации представлена, как было сказано выше, прежде всего, заимствованиями из русского языка:

W każdym ruszkom samom blagorodnom człowiek jest w głubinie niemnożko griażi i swinstwa [6, с. 157];

“*Valentinoobraznoje suszczestwo*” – jak nazwała go wczoraj księżna [6, s. 26]. – ‘«Valentinoobraznoje suszczestwo» – как назвала его вчера княгиня’ [7, с. 20].

3. **Готовые, клишированные фразы на иностранном языке** чаще всего относятся к латинским заимствованиям, однако встречаются фразы и на немецком и английском языках:

Umarł na to samo choróbsko, które ja przezwyciężyłem. Osteomyelitis scrofulosa [6, s. 46]. – Он умер от той же болезни, которую я преодолел. **Туберкулезный остеомиелит** [7, с. 40];

“*Musik ist höhere Offenbarung als jede Religion und Philosophie*”. – *Cha, cha! I to powiedziało to wielkie osiemnastowieczne dziecię – Beethoven* [6, s. 55]!

‘**Музыка – более высокое откровение, нежели религия и философия**». – Ха, ха! И это сказало большое дитя восемнадцатого века – Бетховен!’ [7, с. 50].

4. **Контаминированное вкрапление**, называемое также явлением «ломаной речи», когда иностранное слово употребляется по законам языка-реципиента. В нижеприведенном примере французское заимствование используется на польский лад, о чем упоминает и сам автор:

*Defajdyści, jak z polska po francusku nazwano **defaite’ystów**, przepelzali bokami jak gady, szepcząc jedynie sobie wzajemnie potworne wiadomości* [6, s. 193]. – Дефайдисты, как на польский лад «по-французски» называли «**дефетистов**» (**капитулянтов**), сползались с флангов, как гады, нашептывая друг дружке ужасные вести [7, с. 197].

Принимая такое разделение, мы отметим преимущественную соотнесенность русскоязычных заимствований со вторым способом, немецких и латинских – с третьим.

Говоря о функционировании иноязычных вкраплений, следует отметить функцию языковой компетенции, предложенную Э. А. Китаниной, которая заключается в своеобразной избирательности автора, т.е. он адресует свое творчество не широкому кругу читателей, а лишь части, способной оценить это произведение по достоинству [8, с. 113–115]. Эта функция полностью характеризует замысел С. И. Виткевича, который считал, что его творчество способны понять лишь избранные. Недаром, несмотря на обилие иностранных вкраплений, в оригиналах рукописей писателя нет ни сносок, ни перевода иноязычных слов. При этом зачастую в одном предложении встречаются сразу несколько заимствований из разных языков, например:

*W ostatnim wypadku my byśmy, my, garstka ludzi prawdziwych, wartych życia, wygrali na pewno, a **après nous pust’ wsio propadajet*** [6, s. 118]. – ‘В последнем случае мы, горстка настоящих, достойных жизни людей, наверняка выиграли бы, а после нас пусть все пропадет’ [7, с. 119].

Из всего вышесказанного можно заключить, что иноязычные вкрапления широко распространены в романах С. И. Виткевича. Объясняется это не только самобытностью его творчества, но и в целом интернациональностью

литературного процесса. Наиболее часто встречаются русскоязычные заимствования, которые появляются после российского фрагмента его биографии, а также немецкие заимствования в виде фраз знаменитых немецких философов, писателей и музыкантов. Примечательно, что иноязычные вкрапления по большей части сохраняют свою семантику, что, в свою очередь, дает возможность наиболее точно передать специфику страны или ситуации, о которой идет речь.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Леонтьев, А. А.* Иноязычные вкрапления в русскую речь / А. А. Леонтьев // Вопросы культуры речи. – 1966. – С. 60–68.
2. *Крысин, Л. П.* Иноязычные слова в современном русском языке / Л. П. Крысин. – М. : Наука, 1968. – 206 с.
3. *Мочалова, В. В.* Семантика русскоязычных заимствований у Ст. И. Виткевича и «образ» России / В. В. Мочалова // *Studia polonica: К 60-тилетию Виктора Александровича Хорева* : сб. науч. ст. / Ин-т славяноведения и балканистики РАН ; редкол.: Б. Ф. Стахеев (отв. ред.), О. Р. Медведева, В. В. Мочалова. – М. : Ин-т славяноведения и балканистики РАН, 1992. – С. 117–132.
4. *Witkewicz, S. I.* Pożegnanie jesieni : powieść / S. I. Witkewicz. – Warszawa : Niezależna oficyna wydawnicza, 1981. – 450 s.
5. *Виткевич, С. И.* Прощание с осенью: роман / С.И. Виткевич ; пер. с пол. Ю. Чайникова ; послесл. и примеч. А. Базилевского. – М. : Вахазар : РИПОЛ классик, 2006. – 460 с.
6. *Witkewicz, S. I.* Nitnasycenie / S. I. Witkewicz. – Warszawa. : Państwowy instytut wydawniczy, 1982. – 429 s.
7. *Виткевич, С. И.* Ненасытимость: роман / С. И. Виткевич ; пер. с пол. Ю. Чайникова ; послесл. и примеч. А. Базилевского. – М. : Вахазар : РИПОЛ классик, 2004. – 633 с.
8. *Китанина, Э. А.* Прагматика иноязычного слова в русском языке / Э. А. Китанина. – Ростов-на-Дону : Наука, 2005. – 143 с.